

Константин Райкин: сказать свое слово

Константин Станиславский как-то сказал: «...вслед за изучением сценических чувств актера должно прийти и изучение чувств зрителя». Ведь зритель, приходя в театр, проживает здесь частицу своей жизни и как это происходит — радостно ли, со взрывом чувств, тревожно или равнодушно, — в большой степени зависит от актера. Равнодушных в зале Тбилисского Дома офицеров, где прошли творческие вечера Константина Райкина, не было. Объяснение этому — обаяние жизнерадостного таланта. Таланта бесспорного, яркого.

После спектакля каждый искушенный зритель всегда пытается разобратся в том, что его привлекло в актере, что поразило, заставило задуматься. Эти размышления плодотворны, наверно, для обеих сторон. Растет зритель, строже и жестче становятся его требования и, естественно, вместе с ним качественно растет актер, внутренне готовясь к встрече со строгим, не все безоглядно принимающим зрителем.

Константин Райкин, наверно, привык испытывать на себе повышенное внимание зрителей, долгоживучий скепсис их некоторой части, думающей про себя: «Ну-ка Райкин, сын Райкина, покажи на что способен...». Он не показывает, он убеждает в том, что способен на многое. Причем каждый раз удивляет, умеет извлечь даже из самых хмурых зрителей неподдельность чувства, улыбку. Неожиданность — вот, пожалуй, одно из качеств его таланта. Неожиданность — ведь именно в этом благодатном и для актера, и для зрителя слове кроется громадный резерв творческой энергии, ждущей момента, чтоб выплеснуться. И К. Райкин выплескивает ее, увлекая, заражая своей отдачей. Вместе с тем тот самый строгий зритель отлично чувствует, что актер не выкладывается весь, до дна — вот, мол, все отдал, а сохраняет в себе еще столько же. А может, и больше!

Творческие вечера К. Райкина не были похожи на обычно выстраиваемые по традиционной схеме: вопрос — от-

вет, отрывок из фильма, кусочек роли. Очень насыщенный и в то же время показавшийся таким коротким час общения его со зрителями был рассказом во множестве лиц о самом себе, об актерской профессии.

Константин Райкин вот уже два года работает в Государственном театре миниатюр. Вошел в него органично, ярко, индивидуально. Недавний его спектакль «Лица» — импровизации в двух частях, где К. Райкин исполняет центральную роль, поставлен режиссером Валерием Фокиным, с которым актера связывает многолетняя творческая работа в Московском театре «Современник». Работа многогранная, с главными и неглавными ролями и оправданным большим успехом. Десять лет в театре «Современник» — это «Валентин и Валентина» М. Рождина, «Монумент» Э. Ватемаа, «И пойду, пойду» по произведению Ф. Достоевского «Записки из подполья», «Лоренцаччо» А. Мюссе и многое другое. Десять лет в театре «Современник» — это было... Но это и осталось, хотя начата совершенно новая страница в актерской биографии, и необходимы были смелость и мужество, чтобы перевернуть исписанный в муках лист, и снова думать о первой — всегда и для всех тяжело дающей строке.

А смелость — это прежде всего преодоление себя. Не один раз, по необходимости, а все время, постоянно. Так было еще в юности, когда Константин, в 15 лет закончивший среднюю школу,

никому ничего не сообщая, поехал в Москву сдавать экзамены в Щукинское училище. Все вокруг были уверены в том, что он прирожденный биолог — фанатически любит животных (и мы, зрители, имели возможность увидеть удивительную актерскую трансформацию этой любви), а он поехал, сдал, поступил. И стал Актером!

Актер, по мнению К. Райкина, — это огромный набор средств выразительности. Театр миниатюр дает возможность актеру и, соответственно, зрителю ощутить, что партитура эмоций, пластички движений, вся сумма средств выразительности актера — основной механизм спектакля. Театр миниатюр имеет ярко выраженное остро социальное лицо. Несомненно, что это отнюдь не отличительное его качество, напротив — роднящее, скажем, с тем же «Современником», а отличие прежде всего в форме — менее драматичной и психологизированной, но более выразительной внешне, лаконичной, сжатой, более демократичной.

Специалисты театра утверждают, что контакт между сценой и зрительным залом не возникнет, если режиссером и актером (как в данном случае) не будет найден образный эквивалент для выражения процессов и проблем действительности. Эквивалент у К. Райкина был острым, до гротеска, а небольшие роли-образы были насыщены узнаваемыми социальными признаками, комедийно разнообразны и не похожи до удивления, словно бы не один актер их представлял. В основе этого, думается, острая наблюдательность, целостность особой актерской памяти, умеющей фиксировать то, что неподвластно другим.

... На сцену пригласили Константина Райкина. И началось незнание, которую всегда несет в себе невинна, а ведь без нее нет истинного искусства. Незнание — одно из самых желанных и сильных чувств, вызываемых театральным искусством.

Марина МАМАЦШВИЛИ.

1981 ГОДА
4 6 ИЮНЬ 1981

Заря Востока
г. Тбилиси